

Леонид Андреев

Ночной разговор

Леонид Николаевич Андреев

Ночной разговор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156854

Аннотация

«Это был день, полный ярости.

Двое суток германские войска, двигаясь к Парижу, безуспешно штурмовали бельгийский городок Н., защищаемый смешанными корпусами англичан, бельгийцев и французов. Массы бледных людей в остроконечных кошмарных касках шли в атаку и гибли на полпути; их сменяли новые массы таких же бледных людей и остроконечных касок и также гибли: чаще дождевых капель, чаще градин был пулеметный и орудийный град, и легче было не промокнуть в проливной дождь, нежели избежать пули и осколка...»

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Леонид Николаевич Андреев Ночной разговор

Часть 1

Это был день, полный ярости.

Двое суток германские войска, двигаясь к Парижу, безуспешно штурмовали бельгийский городок Н., защищаемый смешанными корпусами англичан, бельгийцев и французов. Массы бледных людей в остроконечных кошмарных касках шли в атаку и гибли на полпути; их сменяли новые массы таких же бледных людей и остроконечных касок и также гибли: чаще дождевых капель, чаще градин был пулеметный и орудийный град, и легче было не промокнуть в проливной дождь, нежели избежать пули и осколка. И случалось, что уже убитый, падая, на своем коротком пути к земле бывал поражаем еще несколькими пулями; ими был насыщен воздух, они неслись бешено и хищно, словно и им передавалась ярость руки, спускавшей курок. Но запас остроконечных касок казался неистощимым, и все росла их лавина. Поглощая телами пули, впитывая смерть из воздуха и напитываясь ею, как губки, они разрезали частоту огня и создавали пустоты,

по которым текли новые массы бледных людей; и так продолжалось двое суток — днем при сиянии солнца, ночью при голубом свете прожекторов, при котором лица живых и мертвых казались одинаковыми, а от груды трупов ложились черные неподвижные тени.

Двое суток Вильгельм II почти ничего не ел, плохо спал и в бинокль, судорожно дергая лицом, наблюдал за боем. Когда городок был взят и защитники его частью истреблены, частью взяты в плен, он со свитою въехал на его улицы и остановился в Гранд-отеле; там он весь день принимал поздравления, раздавал награды и шутил с генералами. Городок еще дышал испарениями крови, и всюду пахло кислым от неосевшего мелинитного дыма; часть города еще горела, и в сумерки окна Гранд-отеля засветились с улицы красным; потом задернули тяжелые драпри и зажгли свечи, но и мелинитом и кровью пахло по-прежнему, и голубой яд гари носился под высоким потолком и — словно только что здесь заседало огромное собрание людей, и все они курили какие-то вонючие, кислые сигары.

По приказу Вильгельма днем были расстреляны заложники, двенадцать человек именитых горожан. Они были взяты еще утром, как только германцы вступили в городок, но днем кто-то выстрелил в прусского солдата-мародера, грабившего дом, и заложники были расстреляны. Ввиду того, что выстрел был только один и выстрелившего тотчас же убили, и что солдат был мародер, в штабе решились спросить самого

Вильгельма, но он решительно ответил:

— Кровь самого плохого прусского солдата стоит крови всей Бельгии. Объясните им это, чтобы поняли, и расстреляйте.

Так и сделали.

К ночи занятый городок стих, и у пожара не осталось никого: один, в тишине и безлюдии, трещал и морщился огонь, стихая. Все, кого служба не призывала к бодрствованию, спали сном безграничной усталости, душевного утомления; и казалось, легче было разбудить мертвого на поле, чем такого спящего. Немногие во сне бредили пережитым, но голоса их были глухи и мертвы, как голоса теней с того света: в голове еще шло сражение, а вокруг головы витала тишина.

Как музыкальные ящики, спрятанные под подушку, были полны внутри себя голосов, крика и стонов временные лазареты с ранеными, но наружу приносилось мало: все оставалось за каменными стенами, и тому, кто выходил из лазарета на улицу, казалось, что он сразу погружался в тишину, словно в воду, а кто снаружи входил в освещенные комнаты, тому чудилось, что он попал в какой-то болевой центр, где у тысячи людей болят зубы, болят нервы, болит разорванная кожа и раздробленные кости.

Особая тишина была вокруг Гранд-отеля: император давно уже страдал бессонницей, и принимались все меры, чтобы охранить его покой: караулы сменялись без обычного топота, обозы грохотали по самым дальним улицам, и ни один звук

не возрождался без строгой необходимости. Вдали, где германские войска еще преследовали отступавших союзников, округло и слитно гудели выстрелы больших орудий: точно несколько великанов, присев на корточки и надув щеки, равномерно пухали друг на друга – без гнева и особенной страсти, скорее мирно и глуповато. У спящих счастливых, чьих жизнь настойчиво извлекала из образов смерти, этот далекий гул преображался в светлые сны о летней грозе и пахучем клевере на розовых полях; другие его просто не слышали, как мельник не слышит мельницы. Не слышал стрельбы и император, но иногда слух как бы просыпался, гул становился явственным к четким, – но и это не раздражало, а скорее успокаивало Вильгельма: так среди ночи и тишины ночной приятна колотушка ночного сторожа, бодрствующего над спящими.

Но не от шума не спалось императору. Он даже лучше спал при шуме, и он много раз говорил, даже приказывал, чтобы шумели, но ему не верили, оттого что не могли понять; и стоило разнестись по его временному дворцу известию, что император удалился в спальню, чтобы тотчас же голоса сами собой понижались и усиливалась безмолвная жестикуляция. Так было и теперь: он только что вошел в спальню, он еще ждал бессонницы, а все кругом стихло, точно онемело, и окружило его безмолвием саркофага. Вошел старик камердинер и рассердил Вильгельма, заговорив шепотом.

– Ты что же думаешь, глупец? что я хожу и сплю? Убейся.

Камердинер выскочил, но и в другой комнате продолжал говорить шепотом, не поняв, в чем причина гнева императора. А Вильгельм продолжал ходить, хотя уже болели и поясница и ноги от длительного дня усталости; но как Вечный Жид, он не мог остановиться и должен был все идти – от одной стены до другой. И мыслей он не мог остановить: они также двигались без дороги и бились о стены; и было во всем теле разлито какое-то смутное, острое, но заведомо невыполнимое желание, – уже потому невыполнимое, что оно было неизвестно. Это и есть начало бессонницы. Потом ход мыслей от стены до стены превратится в сумасшедший бег, в танец ведьм на Брокене, а невыполнимое желание схватит за горло и начнет душить до крика; станет невыносимо.

Тревожило еще выпитое за поздним обедом шампанское, заставляя смеяться одну половину души, в то время как другая бессильно гневалась на самое себя и требовала покоя; раздражали неуловимые испарения крови, хотелось говорить, хотелось приказывать, хотелось без конца продолжать бесконечный день. А они спят! И если разбудить кого-нибудь и заставить слушать, он будет слушать, но лицо его будет сонно и неумно, и ответы будут невозможны до глупости. «Он хочет спать!»

Но еще не сошла с лица императора брезгливая гримаса, с какою он подумал о желающих спать, как другое чувство

теплом и нежностью охватило его душу: будто кто-то перевернул неприятное представление о спящих и дал ему новый трогательный смысл. Сжатая в один луч, мелькнула перед глазами пестрая картина двухдневных утомительных боев, тяжелой работы во славу императора и Германии – как они работали, как они устали, как они хотят спать и как славно спится их измученным телам! «Бравые солдаты», – дал короткую реляцию Вильгельм, и грудь его расширилась и поднялась от наплыва силы и необыкновенного счастья. Бравые солдаты!

Счастье становилось все острее, росло, словно облако, и отрывало от земли – и вдруг на глазах Вильгельма блеснули умиленные слезы от мгновенного и яркого представления о каком-то необыкновенном величии, от державно-светлого образа, в котором слились черты всех владык мира, все троны, все земли и моря, все таинственно-чарующие имена древних властителей. Словно светящаяся лестница Иакова, на вершине которой, на самой ее последней тающей ступени находится он, император германский и всего мира.

– Текст, текст, – радостно думал Вильгельм, раскрывая походную Библию, – надо найти текст, надо прочесть проповедь, надо, надо...

Но в тексте оказалось не то, что надо, и сразу стало тяжело почти до отчаяния, до смертельного холода и тоски. Потом снова счастье. Потом опять отчаяние и тоска. Это начиналась бессонница с ее судорогами и отвращением к жизни. А

он еще не раздевался – что же будет, когда он ляжет? Тоска!
Тоска!

И тогда ему пришла счастливая мысль: среди пленных, захваченных сегодня, вероятно, есть кто-нибудь с головой, с кем можно говорить и даже спорить. Это великолепно: спорить! Он позволит пленному выражать свои мысли, а потом заговорит сам и очарует его, непривычного к разговору с царями. Даже отпустит его: пусть пойдет к своим и всему миру расскажет, что думает император Вильгельм, такой великий и страшный и такой простой.

Но непременно с головой!

Часть 2

Это был русский революционер, эмигрант, уже много лет живший в Бельгии и занимавший кафедру в Брюссельском университете. Он был не первой молодости, но пошел добровольцем в бельгийскую маленькую армию, участвовал уже в нескольких боях и отличился; в плен он был взят в штыковом бою и по счастливой случайности, всегда спасавшей его, не получил ни одной раны. Он также не спал, когда его очень вежливо пригласили во дворец, каким стал Гранд-отель; если не знать, что он русский, то его легко можно было принять за бельгийца или северного француза; и если знать – то и его небольшая светлая борода и серые глаза, утомленные чтением, казались чем-то до чрезвычайности русским, ни на что другое не похожим. Но в списки пленных он еще не попал; даже свои считали его бельгийцем, и таким он и был приведен к Вильгельму. Было приказано, впрочем, не приводить только англичан.

Пленный поклонился, Вильгельм также. Вильгельм смотрел прямо и пристально по привычке, пленный также – и от огромного интереса, который возбуждал в нем император, и также по привычке. Он был без оружия и тщательно обыскан, прежде чем войти к императору, и все это знал Вильгельм, приказав оставить их вдвоем.

– Вы устали? Садитесь, – приказал Вильгельм. Пленный

сел.

– Хотите курить? – спросил Вильгельм, улыбнувшись.

– Хочу, – ответил, также улыбнувшись, пленный и все также прямо смотрел на желтое, дергающееся лицо Вильгельма. Последний, по немецкому обыкновению, рукой передал ему сигару: обрезана, курите. Сам же отпил из бокала шампанского и сел, резко отвернув полу сюртука.

«Уж не пьян ли он?» – подумал пленный с недоумением. Вильгельм спросил:

– Бельгиец?

– Я занимаю кафедру в Брюссельском университете. Профессор, доктор прав.

– А! Очень приятно, господин профессор. Ланд-штурм?

– Нет, волонтер. Вильгельм усмехнулся:

– А! Это интересно. Значит, против меня?

– Да, и против вас.

«Он не титулует меня, но голова! – это видно». И, подумав, спросил:

– А как себя чувствует король Альберт? – Я не знаю, как чувствует себя король Альберт. Вероятно, плохо.

Он ответил просто и спокойно, и от этого спокойствия слов и голоса вдруг заметно стало, что и рука его, которой он держал сигару, и лицо, и грязная нога в разорванном сапоге, закинута на другую ногу, – все это дрожит маленькой и непрерывной дрожью, и что-то в нем подергивается, соскакивает, неуловимо рябит. Это напоминало самого Вильгель-

ма и было неприятно.

– Вы ранены? – спросил он резко, с неудовольствием.

– Нет. Я устал и, конечно, не совсем в порядке.

– Спать не можете?

– Нет. Минутами хочется, потом проходит. Я позволю себе спросить: это по вашему приказанию расстреляны заложники? Так нам сказали. Нас заставили присутствовать, я видел.

– Да, это приказал я. Кровь самого плохого прусского солдата стоит крови всей Бельгии, – повторил Вельгельм и, подумав, добавил: – Для меня, конечно. А в Бельгии, вероятно, думают наоборот?

– Нет, там этого не думают.

– Пустое; думают, но не смеют сказать. Пустое! Я их знаю. И их маленького короля знаю. Мне его не жаль: это глупый героизм, не достойный коммерческих способностей бельгийцев. Вы не думаете, профессор, что бывает и глупый героизм?

– Я не знаю, что...

– Вы любите Нансена? Я его обожаю: вот человек! Англичане и норвежцы его не оценили. Я обожаю его книгу. Отправиться на полюс, к черту, может всякий дурак, но он готовился, о, как он готовился! Я также. У меня у одного армия, а у вас волонтеры и сброд, и оттого я вас быю и буду бить. Я быю и буду бить!

И снова чувство необыкновенного счастья охватило им-

ператора: он улыбнулся и приготовился что-то ласковое сказать несчастному пленнику, который так измучен и принижен, но увидел в его дрожащей руке сигару и испуганно вскрикнул:

– Эй! Вы сроните пепел! Осторожнее.

Пленный вздрогнул от крика и слегка нахмурился, покраснев. Ему вспомнились заложники и то, как один из них плакал и умолял, чтобы не убивать, – так какой-то, видимо, ничего не понимавший ни в войне, ни в героизме.

– А зачем это надо: бить? – спросил пленный и покраснел еще больше.

– Как зачем? – удивился и не понял император. – Я не понимаю, выражайтесь яснее, господин профессор!

– Зачем это надо: бить? – настаивал пленный с некоторой резкостью.

Вильгельм понял и презрительно взглянул – поверх глаз и головы.

– Ах, вы – пацифист! Глупо. Потому вы и в плен сдались?

Но пленный не обратил внимания на оскорбительный смысл последних слов, которые едва ли и слышал. Его также почему-то охватило чувство необыкновенного счастья, как во сне, и он потянулся. Потом тихо засмеялся, глядя прямо на Вильгельма утомленными и ласковыми глазами.

– Что с вами? Вы забываетесь.

– А разве это не сон?

– Нет. Глупо! Это не сон.

– А мне на мгновение показалось, что это сон, и я хотел говорить, как во сне. Я ведь не бельгиец.

– Что такое?

– Я русский, эмигрант. Политический. В тысяча девятьсот шестом году я приговорен к смертной казни, но мне удалось спастись. С тех пор я в Бельгии, и вот теперь... с вами. Я – русский.

– Это другое дело, – холодно сказал Вильгельм. – Произошла ошибка, и вы можете идти, господин...

– Профессор. Но почему вы не хотите говорить со мной? Вам ведь хочется говорить – мне также.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.